

3
(37)

сентябрь
2009

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ВОПРОСЫ МЕДИЕВИСТИКИ

Учредитель: *Институт славяноведения
Российской академии наук*

*Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия*

*Свидетельство ПИ № ФС 77-27797
от 12 апреля 2007 г.*

Редакционная коллегия:

*В. П. Аникин (д.ф.н., проф.),
М. Гардзанини (д.ф., проф.),
В. П. Гребенюк (д.ф.н., проф.),
И. Г. Добродомов (д.ф.н., проф.),
А. М. Камчатнов (д.ф.н., проф.),
В. М. Кириллин (д.ф.н., проф.),
Е. Л. Конявская (д.ф.н., гл. редактор),
С. В. Конявская (к.ф.н., доцент),
Н. Ф. Котляр (д.и.н., проф., чл-корр.
НАН Украины),
И. А. Кочетков (к. иск.),
О. Ф. Кудрявцев (д.и.н., проф.),
Ю. А. Лабынцев (д.ф.н., проф.),
К. А. Максимович (д.ф.н.),
В. В. Мильков (д. филос.н.),
А. В. Назаренко (д.и.н.),
А. Е. Петров (к.и.н.),
П. В. Пятнов (к.ф.н.),
М. Л. Ремнева (д.ф.н., проф.),
А. А. Турилов (к.и.н.),
игумен Тихон (Полянский) (к.филос.н.),
Б. Н. Флоря (д.и.н., проф., чл.-корр. РАН),
М. С. Фомина (к.ф.н.),
Л. Штайндорф (д.и., проф.),
Е. М. Юхименко (д.ф.н.),
В. Л. Янин (д.и.н., проф., ак. РАН)*

Верстка: М. В. Данилова, Ю. А. Линькова

Редактор: С. В. Конявская

Технический редактор: О. С. Глухова

Корректоры: А. В. Духанина, Л. В. Николаева

www.drevnyaya.ru

Конфликтная ситуация во взаимоотношениях Новгорода с Киевом возникла после заточения и убийства Константина, которые «Список князей» соотносит с появлением Владимира. Устранение Константина аргументированно связывается рядом исследователей с устранением киевским князем влиятельного политического противника между 1034 и 1036 г. (вопреки летописной дате опалы посадника, смещенной на 1019 (1020) г.)². Устами Луки Ярослав предлагал примирение озлобленным «братьям»-новгородцам. Актуальная политическая направленность ПЛ подтверждается фактом включения в него принципа подчинения сначала верховной светской власти, а затем власти духовной (С. 225). Такая модель отношений противоречила вольнолюбивым новгородским традициям, но отражала единоподданнические устремления Ярослава. Усилия Луки как представителя власти духовной были направлены на укрепление влияния верховной княжеской власти в Новгороде, а призыв к повиновению князю являлся смыслозначимым и важным для пастырско-идеологической деятельности владыки.

Злободневные нравственные установки комбинировались с надвременными, наднациональными и безотносительными к социальной принадлежности адресата заповедями. Они сгруппированы Лукой отдельным блоком в виде традиционной суммы аксиом христианской морали (С. 225–226). В отличие от десятословия отсутствует запрет поклоняться иным богам, запрет на создание кумиров и службы им, правило субботнего дня, а также осуждение покушений на имущество ближнего. Не исключено, что проповедник опустил заведомо нереальные требования в условиях феодализации (неправедное стяжание имений) и христианизации (пережитки культовой архаики). Хотя Лука и обращался к вчерашним язычникам, на всем пространстве поучения не находится прямого осуждения языческих пережитков³.

Чуждая обличениям и устрашениям тональность отражает увещательско-просветительский характер деятельности новгородского святителя. Миролюбие и терпимость талантливого писателя-проповедника сочетаются с твердостью в проведении линии Ярослава в Новгороде. Лука Жидята представлял национальную иерархию, которая создавалась Ярославом в его проекте автокефалии, и идеологически обеспечивал политические интересы самодержца в Новгороде. Вместе с Иларионом он входил в набирающуюся из отечественных кадров духовную дружину Ярослава (отсюда сходные мотивы в их творчестве). Оба сходят с политической арены после смерти покровителя в связи с мероприятиями, направленными на ликвидацию независимости Русской церкви.

Поучение Луки — древнейший отечественный образец нравственного назидания, в жанровой форме которого автор сумел выразить насущные для его эпохи религиозно-этические и социально-политические идеалы. Мастерство Луки Жидяты проявилось не в риторических ухищрениях, богатстве книжных источников или оригинальных озарениях мысли, а в его способности сделать сложное простым, ясным и понятным для «младенцев в вере». Наиболее вероятная дата написания ПЛ — вскоре после 1036 г.

²Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 35–40; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 68–70; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 204. С аргументацией Тихомирова—Янина—Рыбакова не согласился А. В. Назаренко (см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII в. М., 2001. С. 484–489).

³Актуальная задача для последующих поколений пастырей (см.: Гальковский Н. Н. Борьба христианства с остатками язычества. Т. II. М., 1913. С. 22, 23, 41–44, 59–60; Серапион Владимирский. Поучения // Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 326–327, 337).

С. М. Михеев (Москва)

К ИСТОРИИ РУКОПИСИ ПЕЧЕРСКОЙ ЛЕТОПИСИ В XII в.

История новгородского летописания XII в. уверенно реконструирована А. А. Гишпиусом. Он показал, что основой постоянно ведшейся новгородской владычной летописи был свод, составленный примерно в начале новгородского княжения Всеволода Мстиславича. Значительная часть текста Свода Всеволода представляла

собой краткие выписки из какой-то версии Начальной летописи. Не ранее 1167 г. Герман Воята обновил владычную летопись: на участке 6553–6582 г. он внес в нее полный текст Начальной летописи в одном из его вариантов. К Своду 1167 г. восходит Новгородская I летопись младшего извода. На основе неиспользованной части Свода Всеволода (по 6582 г.) был создан летописный свод Юрьева монастыря. Он был продолжен выписками из владычной летописи и отразился в Новгородской I летописи старшего извода.

В другой работе А. А. Гиппиус, развивая идею А. А. Шахматова, доказал, что текст Начальной летописи за 1090–1110 г. имеет три слоя. Наиболее убедительно данный вывод обоснован анализом статей 6621–6622 г.¹

Как показали М. Х. Алешковский и А. А. Гиппиус, первым слоем текста Начальной летописи за 1090–1110 г. была Печерская летопись, начатая в 1090-е г. в Печерском монастыре и ведшаяся там на протяжении многих лет. М. Х. Алешковский предположил, что в виде кратких выписок в Своде Всеволода отразилась именно Печерская летопись.

Второй слой Начальной летописи за 1090–1110 г. датируется 1115–1116 г. Третьим слоем была Редакция 1117 г., составитель которой продолжил летопись статьями 6624–6625 г. и внес в основной текст несколько характерных вставок. Редакция 1117 г. отразилась в Ипатьевской летописи.

В Лаврентьевской летописи текст Начальной летописи обрывается под 6618 г., а затем читается запись Сильвестра, где говорится, что он написал этот «летописец» в 1116 г.

А. А. Гиппиус убедительно реконструировал соотношения дошедших до нас редакций «Повести временных лет» (ПВЛ). В 1116 г. игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр изготовил рукопись ПВЛ, т. е. того памятника, в котором уже был второй слой текста Начальной летописи за 1090–1110 г. Затем эта рукопись стала основным источником Редакции 1117 г. Примерно в конце 1117 г. Сильвестр (с 1 января 1118 г. — епископ Переяславля) путем замены и вставки листов внес в свой экземпляр ПВЛ часть текста Редакции 1117 г. Потом последняя тетрадь рукописи Сильвестра была утрачена (что привело к обрыву текста в Лаврентьевской летописи, которая восходит к рукописи Сильвестра). В 1117 г. или позднее Сильвестр внес в рукопись колофон.

Как показано А. П. Толочко, колофон Сильвестра свидетельствует о том, что он был летописателем, а не простым копиистом². Таким образом, рукопись Сильвестра, вероятно, была оригиналом ПВЛ.

Как показали А. А. Шахматов, О. В. Творогов, А. А. Гиппиус и другие, на участке с начала летописи и по 6523 г. в Своде 1167 г. отразился более первоначальный текст, нежели текст общего источника Ипат. и Лавр. летописей (т. е. ПВЛ). Наиболее показательны два первичных чтения: «грядину» под 6472 г.³ и «раздѣляет бо ся нераздѣльно» под 6496 г.⁴ А. А. Шахматовым показано, на участке 6553–6582 г. в Своде 1167 г. также отразился более ранний текст, нежели текст общего источника Ипат. и Лавр. Ср. первичное чтение «Шаракана» в статье 6576 г. Таким образом, текст Свода 1167 г. и на участке вплоть до статьи 6523 г., а также на участке 6553–6582 г. восходит к Печерской летописи (или к более раннему тексту).

Под 6500 г. в ПВЛ имеется вставка о Переяславле, не отразившаяся в Своде 1167 г. Вероятно, интерес Сильвестра к этому городу (проявляющийся и в других фрагментах ПВЛ) объясняется тем, что он готовился стать там епископом.

Как показали А. А. Шахматов, А. А. Гиппиус и автор этих строк⁵, обрывы воспроизведения полного текста Начальной летописи в статьях Свода 1167 г. за 6523 и 6582 г. вызваны дефектностью рукописи Начальной летописи, являвшейся источником Свода 1167 г.

Учитывая, что выписки из Начальной летописи в Своде Всеволода, вероятно, восходят к Начальной летописи, более ранней, чем ПВЛ, логично предположить, что Герман Воята и составитель Свода Всеволода пользовались одним и тем же экземпляром Начальной летописи.

Итак, я полагаю, что в 1116 г. Печерская летопись в ее полном виде легла в основу ПВЛ Сильвестра. Вскоре рукопись Печерской летописи была перевезена в Новгород, где из нее были сделаны выписки при

¹ Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 37–39.

² Толочко А. П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // Ruthenica. 2008. Т. VII. С. 154–165.

³ Гиппиус А. А. Как обедал Святослав? (текстологические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 47–54.

⁴ Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26. № 1. P. 72.

⁵ Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. С. 18–49.

составлении Свода Всеволода (ок. 1117 г.). Затем эта рукопись утратила тетради с описанием событий 6523–6550 г. и 6582–6623 г. и в таком дефектном виде около 1167 г. была переписана Германом Воятой.

Л. А. Москалева (Казань)

ДРЕВНЕРУССКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ: ГЕНИТИВ VS. ДАТИВ

Работа посвящена рассмотрению древнерусской синтаксической инновации — заменам датива на генитив в древнерусских учительных сборниках — Погодинском списке Паренесиса Ефрема Сирина (ЕфрСир ок. 1289 г.), являющемся наиболее ранним из сохранившихся, и в более поздних Академическом и Троицком списках (ЕфрСир 1377 и ЕфрСир сер. XIV).

Известно, что древнеславянские языки избегали употреблять приименной РП, обозначающий принадлежность. В переводных древнеславянских текстах можно наблюдать достаточно последовательную замену греческого родительного падежа дополнения к имени дательным падежом или прилагательным¹. На то, что приименное употребление датива со значением принадлежности является важной чертой древнецерковнославянского синтаксиса, указывал В. Вондрак².

В Погодинском списке также представлены многочисленные примеры такой замены: **аще оу|паду в рѣцѣ варваромѣ** (Л. 346) — εἰς χεῖρας τῶν βαρβάρων (Бойк. I, 170), **въ рѣцѣ искѣша|ющѣмѣ** (Л. 57а) — εἰς χεῖρας τοῦ πειράζοντος (Бойк. I, 268).

Начавшееся с определенного периода варьирование форм приименного датива и генитива представляет крайне интересное явление, динамика, причины и хронология которого остаются неизученными.

Приименной датив заменяется генитивом не под внешним влиянием источников, где использовались формы приименного генитива, а по логике перераспределения синтаксических ролей падежей. Замены не зависят от греческого первоисточника, поскольку содержатся не в новых переводах, а в списках одного древнего перевода. В результате этого перераспределения ДП освобождается от функции обозначения принадлежности в приименном употреблении и в качестве основной за ним закрепляется функция обозначения адресата действия в приглагольном употреблении. В РП, напротив, факультативная функция приименного употребления в посессивном значении смещается в сторону облигаторного синтаксического типа.

Использование РП для обозначения принадлежности допускалось уже в исходной системе форм при определенных обстоятельствах. Так, в исследуемой рукописи мы находим большое число примеров с исконным в данной позиции местоимением **кго: молѣнья кго** (ЕфрСир ок. 1289. Л. 16), **лица кго** (Л. 117г), **ѡ| днѣ пришествья кго** (Л. 230г). Ряд контекстов представлен в данной позиции формой **кѣмѣ: оу|сѣсѣдѣхъ | кѣмѣ** (ЕфрСир ок. 1289. Л. 16), **из ноздрю кѣмѣ || сопникъ течахѣ по брадѣ | кѣмѣ** (Л. 546–54в), **на срѣ|тѣ|тникѣ кѣмѣ** (Л. 1586). Рассматривая систему индоевропейских падежей и их предполагаемых функций в связи с падежным синкретизмом, отмечают, что иногда посессивный датив конкурирует с посессивным генитивом. В этом случае датив, в отличие от генитива, выражает особую вовлеченность предмета в ситуацию³.

Наблюдения над материалом разновременных рукописных списков Паренесиса Ефрема Сирина⁴ — Погодинского (ЕфрСир ок. 1289), Академического (ЕфрСир 1377) и Троицкого (ЕфрСир сер. XIV) — очень показательны, поскольку позволяет проследить динамику варьирования форм датива и генитива на материале конкретного большого по объему текстового собрания. Проведя сопоставительный анализ содержащихся в рукописях примеров, мы определили, что большинству контекстов, отражающих варьирование форм ДП и РП в списках XIV в., соответствуют контексты с ДП в Погодинском списке второй половины XIII в. Ср.:

¹ Мейе А. Общеславянский язык. М., 2000. С. 375.

² См. Вондрак В. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915. С. 24–25.

³ См. Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание. М., 2004. С. 130–131.

⁴ Материал собирался по фотокопиям рукописей.

